

ЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СВОБОДА: ЛОГИКА В СОВЕТСКОМ И ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Г.Л. Тульчинский

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)*

Аннотация: *Статья содержит попытку осмысления феномена советской логики. Этот феномен по-своему парадоксален. С одной стороны, логика и методология науки была в 1960-х – начале 1980-х многочисленным и очень активным движением в советской научной жизни: частые масштабные конференции, множество публикаций. Фактически это была своеобразная научная субкультура, объединявшая часть интеллектуальной элиты. С другой стороны, отсутствовали масштабные и существенные дисциплинарные результаты, даже так и не сформировалась дисциплинарная научная периодика. Главный тезис данной работы – «советская логика была больше чем логика». Идеологический прессинг на гуманитарные науки, прежде всего – философию, способствовал формированию привлекательности образа логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полужнаительства образ оазиса философского профессионализма. Более того, логика приобрела статус чуть ли не единственной в философии «экологической ниши», относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Последние 15 лет XX столетия стали годами реформ и преобразований, которые сняли экстрадисциплинарные центростремительные факторы, Это породило мощный центробежный импульс. Логика разошлась в разные стороны, наконец-то занявшись тем, чем не могли заниматься раньше. С начала XXI века такая ситуация оборачивается деградацией научной логической культуры, негативными последствиями для развития российской логики как научной дисциплины, вытеснением логики на периферию исследований искусственного интеллекта.*

Ключевые слова: *культура, логика, методология науки, ответственность, свобода, СССР, философия.*

В статье рассматриваются парадоксальные место и роль логики, которые она занимала и выполняла в советском обществе. Причём, ситуация, во многом сохраняется и в постсоветский период. Представляется, что характеристика этой ситуации, её причин, факторов, обуславливаю-

¹ Основная часть данного текста была опубликована ранее [см.: Тульчинский 2009]. Переработки и дополнения выполнены при поддержке гранта РФФИ № 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

щих ее динамику, тенденций и перспектив на будущее, важны для осмысления существенных характеристик российского духовного и интеллектуального опыта на изломе тысячелетий. Под логикой в работе понимается как логическая культура общества, так и собственно логика как научная дисциплина. И очевидно, что между ними имеются важные, показательные и поучительные прямые и обратные связи, определяющие развитие и осмысление предмета исследования.

1. Парадокс первый: И.С. Сталин как «друг» советских логиков

Валентин Фердинандович Асмус – один из немногих, благодаря кому в 1930–1960-е годы был сохранен уровень философского профессионализма в советской России – рассказывал трагикомичную, но представляющуюся чрезвычайно показательной, историю. В конце сороковых, после выхода его учебника по логике (до сих пор, кстати, во многом непревзойдённого), за ним приехали. Ночью. Зная по тем временам, чем это может кончиться, взял он всегда стоявший наготове чемоданчик, распрощался с близкими и пошёл. Привезли его в Кремль, в кабинет к Сталину: «Вы профессор Асмус, автор учебника по логике?» – «Да, я» – «У меня к Вам просьба – научите членов Политбюро и Правительства логике.» – «Как это, Иосиф Виссарионович?» – «А так. Они говорят “значит”, а это ничего не значит. Они говорят “следовательно”, но у них ничего и ниоткуда не следует...».

И В.Ф. Асмус читал Правительству и Политбюро краткий курс по логике. Именно после этой истории логика была введена в школьные программы, но вновь была отменена вскоре после смерти «друга всех логиков». И, очевидно, неспроста. У его наследников сохранились явно специфические отношения с логикой.

История в высшей степени характерная и показательная. В ней, как в капле воды отразились основные особенности места и роли логики в советском обществе:

(1) вопиющее логическое бескультурье социального общения и практики – вплоть до политической в высших эшелонах власти;

(2) неукоренённость кабинетной науки логики в социальной жизни советского общества, практическая не востребованность им логики – сталинская попытка насаждения логической культуры сверху суть исключение, подтверждающее правило.

С достаточным на то основанием можно предположить, что за указанными обстоятельствами скрыты некие характерологические особенности советской, да и постсоветской России.

2. «Объективка» или CV советской логики

Начнём с науки логики. Невозможно в рамках одной статьи дать полную картину состояния и динамики развития советской логики. Такую важную, интересную и благодарную задачу ещё предстоит решать. В данной же работе, в контексте её конкретных целей, можно только дать общую характеристику советской логики. В советских отделах кадров на работников составлялся документ, на канцелярском жаргоне называвшийся «объективка» – что-то вроде краткого *curriculum vitae*. Вот без такой «объективки», беглого очерка в нашем разговоре, очевидно, не обойтись.

В дореволюционной России логика входила в программы средней школы, обязательно преподавалась в гимназиях, университетах. Авторитетными являются и исследования российских логиков (М.И. Каринского, Н.А. Васильева и др.). Общеизвестно, что идеи Н.А. Васильева предвосхитили формулировку идей многозначной логики, семантики возможных миров. Первой в мире программой курса по математической логике, разработанной на основе “*Principia mathematica*” стала программа молодого П.А. Флоренского, который и содержательнейшие примечания к своей фундаментальной теодицее «Столп и утверждение

истины» (1913 г.) строил на аргументации, апеллирующей к аппарату математической логики “Principia”.

После революции некоторое время сохранялась инерция довольно развитой логической культуры. Орловым были сформулированы только теперь оценённые по достоинству принципы вероятностной индуктивной логики. Независимо от К. Шеннона и даже раньше его Шестаковым была предложена техническая интерпретация логико-математической структуры суждений, которая до сих пор лежит в основе электронно-вычислительной техники. Этой инерции, однако, хватило не надолго. Разгром, учинённый коммунистическим режимом в гуманитарных, социальных, а затем и в естественных науках, с неизбежностью сказался и на логике. Она была исключена из учебных программ средней и высшей школы, за исключением незначительных курсов на юридических и философских отделениях. Традиционная классическая формальная логика как наука о формах мышления, а также математическая логика были заклеены. «Буржуазной» и «идеалистической» логике противопоставлялась «передовая» так называемая «диалектическая логика» с её акцентуированным интересом к противоречию. Стремление к рациональной конструктивности, строгости и непротиворечивости научной аргументации стали предметом высмеивания и поношения как проявления «буржуазного наукообразия».

Ситуация несколько изменилась после Второй мировой войны в связи с бурным развитием кибернетики, прежде всего – вычислительной техники. В этой связи нельзя не отметить личную роль академика А.И. Берга, специалиста по философии математики С.А. Яновской, инициировавшим интерес к современной математической логике. Из круга молодых продвинутых аспирантов, интересующихся аппаратом современного логического анализа и сложился, ставший в последствие знаменитым, «московский логический кружок», сложившийся на философском факультете в рамках студенческого научного общества вокруг окончившего в 1951 г. факультет и поступившего в аспирантуру А.А. Зиновьева. Кружок официально просуществовал шесть лет (1952–1958 гг.), очень быстро стал одним из центров интеллектуальной жизни Москвы, проделал бурную эволюцию. На разных её этапах идейными лидерами кружка были А.А. Зиновьев и Г.П. Щедровицкий.

«Московский логический кружок» сыграл исключительно важную и продуктивную роль катализатора, своего рода инкубатора в развитии логической и в целом интеллектуальной культуры послевоенной России. С ним связана начальная стадия деятельности М.К. Мамардашвили – пионера развития феноменолого-герменевтической традиции. Из кружка вышло целое движение методологов, связанное с кругом идей организационно-деятельностных игр Г.П. Щедровицкого, а также с идеями интеллектики и интеллектуальных систем (И.С. Ладенко). Участники «кружка» так или иначе участвовали в становлении советской прикладной социологии (Б.А. Грушин), прикладной информатики (В.К. Финн, Д.Г. Лахути), активно сотрудничали с математиками, филологами и лингвистами, «тартусско-московской семиотической школой».

В собственно философской среде очень быстро сложилось мощное направление исследований по логике и методологии науки (П.В. Копнин, В.А. Лекторский, В.С. Швырев, В.Н. Садовский, В.С. Степин и многие другие), идеологическим прикрытием которого стала «критика» неопозитивизма (логического эмпиризма), зарубежной аналитической философии и философии науки.

В результате логическая проблематика выступила мощным катализатором самостоятельной, независимой мысли, интеллектуальной культуры в России второй половины XX-го столетия. В том числе – одним из источников советского и постсоветского инакомыслия (Есенин-Вольпин, А.А. Зиновьев) и либерализма.

Собственно же логика в советское время организационно сложилась в структуру, имевшую сравнительное небольшое, но сплочённое ядро, и разветвлённую периферию. Ядро составляли отделы и секторы логики и методологии науки в институтах философии Академии

наук (Москва, Киев, Новосибирск, Ереван), а также кафедры логики ведущих университетов (московского, ленинградского, уральского, ростовского, киевского и др.). «Периферию» же образовывали философы, получившие логическое образование и занимающиеся логической проблематикой, но работающие на кафедрах философских и других гуманитарных дисциплин, или в средней школе, или в каких-то научных учреждениях, или на производстве, в органах управления. В результате вокруг «ядра» сложилась довольно развитая, «глубоко эшелонированная» система обороны и поддержки, обеспечивающая относительно спокойное развитие логической субкультуры.

Репрезентативными для этого развития являются исследования В.А. Смирнова, Е.Д. Смирновой, Е.К. Войшвилло и сложившейся вокруг них школы московских логиков, И.Н. Бродского и О.Ф. Серебрянникова, инициировавших интенсивное развитие логики в Ленинграде, М.В. Поповича и его сотрудников в Киеве, И.С. Ладенко, В.В. Целищева в Новосибирске и др. Регулярно проводились всесоюзные конференции по логике и методологии науки. Также проводились тематические конференции и семинары: всесоюзные, региональные, межвузовские. Их материалы довольно систематически публиковались в сборниках тезисов, статей, в обзорах.

С конца 1970-х годов начались все более интенсивные контакты с зарубежными коллегами-логиками Польши, восточной Германии, Финляндии. И по мере развития контактов все более явным становилось удивительное, на первый взгляд, обстоятельство: в условиях относительно спокойной и оживлённой научной жизни серьёзных новых результатов в советской логике получено не было. Почему?

3. Парадокс второй: респектабельность с нулевым результатом

В общем виде динамика развития логики, как и любой другой научной дисциплины определяется тремя группами факторов. Во-первых, это факторы эпистемогенные (проблемы, темы, концепции), т. е. внутренние, интерналистские факторы становления и развития научной дисциплины. Во-вторых, это организационные факторы: социально-организационные аспекты, формирование школ, направлений, выдвижение лидеров, вербовка учеников, организация формального и неформального общения, проведение конференций и семинаров, публикации, подготовка специалистов, public relations и другие факторы развития дисциплины. Наконец, в-третьих, это факторы культурогенные, связанные со «вписыванием» науки логики в совокупную культуру общества: социальное значение логики, престиж науки и профессии и т. п. Действие этих групп факторов образует сложную систему взаимостимулирующих и взаимпровоцирующих связей и отношений, обеспечивающих интеграцию логики в интеллектуальную культуру и общественную практику и жизнь общества в целом.

При рассмотрении эпистемогенных факторов развития советской логики в глаза бросается ориентация исследований преимущественно на логический синтаксис, слабое (по сравнению с зарубежными исследованиями) развитие логической семантики и особенно – логической прагматики. За редким исключением, общей чертой являлся уход от острых мировоззренческих вопросов. И это при условии, что, как показал мировой опыт, широкое мировоззренческое осмысление – необходимое условие развития собственно логической техники. Убедительным примером является семантическое обоснование систем модальной логики, развитие вероятностной, эпистемической и других неклассических логик, семантики возможных миров в различных её интерпретациях. Логическая рационализация и формализация вторичны по отношению к концептуализации, к осмыслению. Лишённая этой питательной среды, а возможно, и отказывающаяся от неё сознательно, советская логика оказалась обречённой на вторичность по отношению к зарубежному опыту и исследованиям, по отношению к математике, прикладным исследованиям. За исключением единичных личностных прорывов, серьёзных результатов советскими логиками получено не было. Сформировался даже

своеобразный комплекс неполноценности перед зарубежными коллегами, а также математиками и специалистами по искусственному интеллекту, программистами.

На первый взгляд, существенно негативную роль в этом сыграли организационные факторы, развитие которых до сих пор находится фактически, в зачаточном состоянии. Сохраняется *minimum minimum* организационных условий воспроизводства логики. Кафедры логики имеются не во всех университетских центрах, объем публикаций чрезвычайно ограничен. За все советское время в стране не было и до сих пор нет ни одного специального логического журнала (для сравнения: в одной только небольшой Польше таких изданий четыре). А два основные философские периодические издания «Вопросы философии» и «Философские науки», да ещё украинская «Философская и социологическая мысль» (двуязычная с начала 1980-х), логической тематике уделяли с неизбежностью весьма и весьма скромное место.

Все это, вроде бы, должно было сдерживать развитие логического профессионального научного сообщества. В реальности же, однако, имела место обратная ситуация. Логическая научная субкультура была одной из наиболее устойчивых и развитых в советской философской культуре. Имелись общепризнанные авторитетные лидеры. На логические циклы философских факультетов рекрутировались наиболее способные, активные и продвинутые студенты. Как уже отмечалось, сложилась чрезвычайно развитая «неявная» структура сообщества, сложился широкий круг «скрытых» логиков – специалистов, получивших логическую подготовку, но занятых в других философских дисциплинах, тяготеющих к логике не только в проблемном, но и в коммуникативно-личностном плане.

В этой связи и можно констатировать второй парадокс советской логики: довольно бурная и эффективная организационная активность, сложившееся развитое научное сообщество, наличие респектабельной науки и ... практическое отсутствие интеллектуальной продуктивности, серьёзных оригинальных научных результатов. Наиболее продвинутые работы (Н.И. Стяжкина по истории математической логики, А.А. Зиновьева по теории логического следования, А.А. Ивина по логике норм и оценок, И.Н. Бродского по отрицательным высказываниям, О.Ф. Серебрянникова по натуральным исчислениям, Я.А. Слинина по модальной логике, Э.Ф. Караваева по временной логике и т. д.) носили характер, по преимуществу, добротных систематизаций – не менее, но и не более.

Можно предположить, что в парадоксальности этой сложившейся ситуации решающую роль играют культурогенные факторы, компенсирующие слабость факторов эпистемогенных и организационных. Но здесь нас подстерегает следующий парадокс, как представляется – центральный и главный. Дело в том, что собственно наука логика развивалась в как бы культурном вакууме, в полном отрыве и даже в диссонансе с логической культурой советского общества. Ярким выражением этой парадоксальности и является история В.Ф. Асмуса.

Главным нервом бытия советской логики являются культурогенные факторы, определившие как особенности её социального бытия, так и дисциплинарное своеобразие. Поэтому, для дальнейшего серьёзного разговора, необходимо определиться в вопросах: каковы факторы, вызывающие к жизни логическую теорию и практику, при каких условиях логика востребуется обществом? Кому и зачем нужна логика? Наверное, только после ответа на них можно серьёзно и ответственно говорить об источниках парадоксального своеобразия советской логики.

4. Кому и зачем нужна логика.

Роль логики в истории культуры и условия её востребованности

Логика – одна из основных несущих конструкций современной цивилизации. Если нашу цивилизацию уподобить железобетонной конструкции, то логика будет одной из главных арматур, задающих конфигурацию и жёсткость всей конструкции. И эта метафора не так уж метафорична, как может показаться. Индустриальная-постиндустриальная-технотронная ци-

визация, построенная на научном познании, воплощении его результатов в технологии, коренится в мощном духовном импульсе двух великих идей: иудео-христианской идее монотеизма и древнегреческой идеи рациональности. Именно духовная встреча Иерусалима и Афин до сих пор определяет облик современной цивилизации.

Как говорил Н.А. Бердяев, если есть дух этой реки, дух этой горы и этого дерева, корабли не поплывут, а самолёты не полетят. Политеизм, анимизм не могли быть духовной и интеллектуальной основой развития науки и техники. Такой основой могло быть только сознание того, что мир един, создан единой волей по единому замыслу и нам дана способность попытаться уяснить детали этого замысла. Роль интеллектуальной техники и выполняла логика – одно из главных достижений древнегреческой философии. Сначала логическая практика анализа рационального содержания оттачивалась на интерпретации Священного Писания, а чем дальше, тем больше – применительно к самой реальности. Возникновение Science хронологически совпадает с охотой на ведьм. “Novum Organum” Ф. Бэкона современник «Молота ведьм» Шпенглера и Инсистериса. За ними стоит один и тот же духовный импульс – человек может познать происходящее не только интерпретируя тексты, но и задавая вопросы, буквально «пытая» саму действительность. Кстати, тот же «Молот ведьм» и написан фактически как экспериментальная методика. От «о-пытного» экспериментального знания оставался один шаг до деизма с его представлением о мире как машине, созданной и запущенной творцом. И этот шаг был сделан весьма быстро, так же как и следующий, отбрасывающий «гипотезу Бога» и придающий человеку героико-прометеевский образ Инженера, преобразующего мир в соответствии с познанными законами этого мира.

Великая идея рациональности во всем многообразии её содержания (конструктивность, эффективность, непротиворечивость, общезначимость etc.) так или иначе, но восходит к логическим принципам и технике доказательства. Логическую сердцевину имеет математика, являющаяся языком научного анализа – это убедительно продемонстрировала проблема оснований математики, породившая современную математическую (символическую) логику. Более того, сама эта математическая логика оказалась основой создания и развития электронно-вычислительных машин. Речь идёт не только о программах, но и о «железе»: именно электротехническая интерпретация логических функций лежит в основе ламповых, полупроводниковых и чиповых технологий создания компьютеров. Логика – арматура современной цивилизации в самом буквальном смысле слова.

Что же обусловило само возникновение логики и почему она наиболее полно оформилась именно в исторически краткий период существования афинской демократии? При всей своей абстрактности логика – самая что ни на есть эмпирическая наука. Это хорошо понимает любой, державший в руках аристотелевские «Аналитики», «О категориях» и «Об истолковании». Логика – не плод воображения Аристотеля, не нечто придуманное для внедрения в практику.

Логика суть обобщение опыта эффективной аргументации. И тогда ответ на вопрос «зачем и почему возникает логика?» зависит от ответа на вопрос «когда и зачем людям нужна эффективная (рациональная) аргументация?». И ответ этот достаточно очевиден: если у людей есть интересы, которые они могут публично отстаивать и продвигать, обсуждая с другими. При каких условиях это может быть реализовано?

Во-первых, при наличии у людей какой-то собственности, с которой и могут быть связаны какие-то интересы. Как говорил Ортега-и-Гассет, человек – это человек и его обстоятельства. Именно обстоятельства – то, что находится в зоне свободы и ответственности человека и определяет его интересы, мотивы, намерения и возможности.

Во-вторых, это существование «Рынка», буквально – базара, торжища, на котором люди могут своей собственностью и прочими «обстоятельствами» обмениваться, торгуясь относительно их ценности.

В-третьих, это «Форум», т. е. возможность публичной правовой процедуры разрешения возможных столкновений интересов и споров, т. е. сложившаяся политическая и правовая культуры.

В-четвёртых, это «открытость общества», т. е. реальные контакты с людьми иных культур, когда людям, говорящим на разных языках, придерживающимся разных верований, носителям разной нравственности и т. п., надо стремиться понять друг друга, чтобы о чем-то договариваться.

Именно эти условия сошлись в VI в. до н. э. в античной Греции – торговой, живущей на перекрёстке цивилизаций и именно в демократических Афинах.

И именно эти необходимые и достаточные условия востребованности рациональной аргументации практически отсутствовали в советской России. С её изоляционизмом, закрытостью для внешних контактов, обездоленностью населения, вне рыночной распределительной экономикой, отсутствием начал демократической и правовой культуры, когда «закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло». Отсюда и соответствующий уровень логической культуры, точнее, её фактическое отсутствие.

5. Социальная алогичность и «логика больше чем логика»

Сформулированная Сталиным в его ночной беседе с профессором логики проблема «значит» и «следует» сохраняется до сих пор. Трагикомична неспособность немалого множества публичных политиков к связности речи и мысли. Вязкость – да, связность – нет.

Российские споры до сих пор – монологи глухих. Полемика до сих пор доминирует над дискуссией. В отличие от дискуссии, целью которой является прояснение позиций и поиск оптимального рационального решения, целью полемики является победа в споре. Российские полемисты не стремятся к истине, главное – уязвить, унасекомить другого, навесить на него ярлык и – явно или не явно – доложить властям о его прегрешениях. Логикой тут и не пахнет. Стремления быть понятым и убедить – нет и в помине. Более того, попытки внятной аргументации или даже просто культурная речь (например, юристы, преподаватели, священнослужители вынужденно имеют навык связной речи – таков их «профессиональный кретицизм») вызывают органическое неприятие и агрессию. Агрессивная реакция следует не на мысль и доводы, а просто на отдельные слова, понятия, точнее – не понятия, вне общего смысла. Сохраняется только способность к «ага-узнаванию» хорошо известного, реакция на ключевые слова, на то, кто их произносит и с какой интонацией.

Можно говорить о вопиюще торжествующем логическом бескультурье – в быту, в деловой активности, в политической жизни. Многословье при отсутствии аргументации по существу дела, неумение мыслить конкретно, безответственные решения, неспособность привести законы в соответствие друг с другом, неспособность определить предмет договора или спора, свою собственную позицию – являются излюбленной темой юмористов, поражают иностранцев, ставят под вопрос успех любого дела. И логика, призванная давать гарантии понимания, разумного мышления, общения и действия – в упор не воспринимается и даже отторгается. И никто не вызывает по ночам профессора логики.

Недавняя попытка ввести логику в учебный стандарт высшей школы закончилась ничем. Зато правительственный чиновник, отвечающий за государственные стандарты гуманитарного образования вызвал бурное оживление зала на совещании в Санкт-Петербурге своим обращением к залу: «Ну, должна же быть какая-то наука, изучение которой научит наших выпускников правильно формулировать и излагать свои мысли».

Почему же при отсутствии естественных необходимых и достаточных условий формирования и развития логической культуры в советской России в ней довольно активно развивалась логика, решающая сугубо эзотеричные проблемы логико-математического синтаксиса?

Идеологический нажим на интеллектуальную и духовную культуру, на философию прежде всего неизбежно способствует росту привлекательности логики как рациональной интеллектуальной деятельности, приобретающей в атмосфере всеобщего полужнания образ оазиса философского профессионализма. Более того, логика приобретает статус чуть ли не единственной в философии экологической ниши, относительно независимой от идеологии сферы профессиональной мысли. Иначе говоря, часть здоровой интеллектуальной элиты под воздействием специфических культурогенных факторов, прежде всего – мощного внешнего идеологического пресинга, и образовала весьма своеобразное научное сообщество, каковым была советская логика 1950–1980-х, и для которого логика была «больше чем логика».

*6. Насилие: механический аргумент *argumentum ad mortem**

Разумеется, многое в этом печальном опыте предопределило многолетнее засилье коммунистической идеократии, когда работа ума ограничивалась простыми инвентаризациями от знаменитой ленинской «Жучка-собака» до «буржуй – не буржуй», «наш – не наш». Умозаключения при этом практически отсутствуют или заменяются конструкциями лозунгов типа: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи» и «Народ и партия едины», следовательно, «Партия – наш рулевой». На этом фоне объяснима и тяга к извращённому пониманию диалектики, культовое отношение марксистско-ленинской философии к противоречию. В расхожей практике оно оборачивалось интеллектуальной вседозволенностью и безответственностью. Согласно одному из логических постулатов, из А и не-А следует все что угодно. Противоречие всегда ложно. Поэтому разум, не способный понять нечто определённо, найти ему объяснение, апеллирует к противоречивости действительности: диалектика, мол, такова.

Можно, конечно, свести дело к трагикомическому стёбу. Единственная, мол, четвёрка в аттестате у младшего Ульянова была, как известно, по логике. Вот нелады вождя с логикой и сказываются. Дело, однако, как представляется, серьёзней. Перед глазами современных очевидцев своеобразная последовательность сторонников фашистской «Памяти», нынешних националистов, один из принципов которой, провозглашаемых при открытии митингов этого общества: «Не спорить! Только лозунг и прямое действие – его выполнение!».

В своё время выдающийся российский популяризатор логики С.И. Поварнин, обобщая уловки и нечестные приёмы спора, отмечал уловки «механического» характера. Когда незадачливому спорщику приходится туго и он начинает чувствовать, что полемика ему не по силам (то ли позиции слабые, то ли соперник сильнее или просто прав), тогда и прибегают к «механическим» аргументам. Выход из спора, срыв полемики, не стесняясь в средствах – это и есть «механическая» аргументация. К ней Поварнин относил и донос – апелляцию к городскому, и прямое насилие – «палочные доводы». Добавим, что разновидностью «механической» аргументации является *argumentum ad mortem*: апелляция к смерти, угроза смертью, а то и прямое убийство. Классиком теории и практики *argumentum ad mortem* был все тот же Сталин: «Есть человек – есть проблемы, нет человека – нет проблем», «Смерть решает все проблемы».

Подобная «аргументация» – проявление не только полемической несостоятельности. Она свойственна людям, чьи мысли и сознание не адекватны реальности. Поэтому насилие над реальностью, над другими людьми – единственный их довод. Абсурдное сознание порождает абсурдные аргументы, которые приводят к абсурдным действиям. Полная невменяемость событий и поступков. Российская история даёт великое множество тому примеров.

7. Логика, свобода и ответственность

Невменяемость ещё и потому, что «механический» аргумент – любимый довод самозванцев всех мастей, делающих других счастливыми помимо, а то и вопреки их воле, но от

их имени. Российская история потому и неменяема, что её некому вменить конкретно. Логическая культура самозванцев: недоучившихся семинаристов, экстернов, совдеповских полужнаек, «народных академиков», «экономистов». Логика – ядро не только интеллектуальной культуры. Логично, значит, – рационально, конструктивно, значит, – общезначимо, апеллирует к взаимопониманию и общепринятым правилам рассуждения. Логично – убедительно, потому что доказательно, реализуемо, потому что истинно. И потому логично, значит, – вменяемо и ответственно, т. е. проверяемо и конкретно. Не случайно стойки так сближали логику и этику. Логическая и нравственная культуры – две стороны единства человеческой свободы и ответственности.

Российско-советский же духовный опыт фактически не знает идеи свободы. Его содержание, специфика которого определяется особенностями хозяйствования, экономической и политической истории, спецификой восточного христианства и славянской мифологии, и выражается в дискурсе обыденного опыта, фольклоре, искусстве, философии, всегда отличалось нравственным максимализмом в сочетании с правовым нигилизмом, эскапизмом доходящим до эсхатологизма и смертобожия, пренебрежением человеческой жизнью в этом мире во имя мира иного (потустороннего или в светлом будущем). Как следствие этого – пренебрежением систематическим трудом по сравнению с богоподобным творчеством, личностью – по сравнению с коллективной общностью. Это духовный опыт не свободы, а воли. Отсюда особая озабоченность вопросом власти, с которой связываются любые, даже частные проблемы.

Свободный человек относится к другому как такому же свободному, учитывая его интересы, вступает в диалог и ответственные отношения. И ему нужна логика. Самозванцу она не нужна. Его воля не ограничена (не определена) свободой. Поэтому он неменяем. Ему нужны только идея, лозунг и действия. Свобода воли как воля к неволе. А кто не с нами, тот против нас. Другие для него – такие же неменяемые самозванцы: слушать их, говорить с ними незачем. Кого в этой ситуации может интересовать рациональная аргументация? Как в известной русской поговорке: «Ты начальник – я дурак. Я начальник – ты дурак». И всё. Какая ещё нужна аргументация. Самый эффективный довод – «механический»: жезл Ивана IV, дубинка Петра I, пистолеты и бомбы народовольцев, «диктатура пролетариата», танки, казнь убийства, пытки...

Логика может быть востребована только свободными людьми и обществом, гарантирующим с помощью права их свободу и взаимответственность. Логика и право идут рука об руку. Следствие, если оно цивилизовано, а не построено на «механике» выколачивания и выдвигания признаний и показаний, суд, если только он не фарс, гражданское общество и правовое государство – живая среда живой логики.

Логика основана на определениях, буквально – ограничениях, мысли, оперирует определёнными терминами. Термином в античном Риме назывался межевой камень, указывающий границы надела. Логика, как и право, ставит границы, пределы произволу мысли и действия, ограничивает волю, превращая её в свободу. И наоборот, – ответственность перед законом предполагает свободу воли. Если нет свободы выбора, то и отвечать не за что. Именно поэтому право полагает людей свободными, вменяемыми, предполагает возможность убеждения и согласия, договора, а следовательно – логически упорядоченные мысль, речь и письмо.

8. *Argumentum ad absurdum* или исход советской логики

Справедливость приведённых рассуждений своеобразным методом от противного (*ad absurdum*) доказывает сама эволюция советской логики в «перестроечное» и «пост-перестроечное» время.

В ситуации обновления общества, демократизации и раскрепощения сознания неестественный, «перегретый» интерес к логике падает, и она переходит в естественный режим

своего бытия. При этом на передний план должны выйти организационные факторы, становящиеся решающими: уровень компетентности лидеров, возможность полноценной подготовки специалистов, нормальный режим публикаций, их международная экспертиза – все то, чего как раз была лишена советская логика.

Что и сказалось. Снятие внешнего пресса, обеспечивавшего центростремительное воздействие на логическую научную субкультуру, породило мощный импульс центробежных сил. Логика прыснула в разные стороны, наконец-то занявшись тем, чем не могли заниматься раньше. А.А. Зиновьев полностью переключился на публицистические сатиры, М.В. Попович – на творчество Гоголя и текущую политическую жизнь Украины, А.Л. Субботин переводит Мандевиля, В.В. Целищев уходит в английский нонсенс, Ю.Н. Солонин – в культурологию и историю философии, В.А. Карпунин – в креационизм и богословие, социологию и политологию. Это лидеры. А что же тогда говорить о молодежи. Существование логических циклов на философских факультетах под большим вопросом. Студенты предпочитают шизоанализ, деконструктивизм. Логический анализ объявляется устаревшим бинарным дискурсом. Ж. Деррида во время одного из посещений России заметил, что в России постструктурализм, похоже значит нечто большее, чем постструктурализм. История повторяется.

Для тех же, кто продолжает заниматься логикой, демонстративный отказ от философской (мировоззренческой, метафизической) проблематики оборачивается против них самих, точнее – против российской логики. В кругу эпистемогенных факторов эта проблематика играет решающую роль, поэтому дальнейший отказ от неё, как и от семантико-прагматической тематики в логическом научном поиске чреват деградацией научной логической культуры, в лучшем случае – вытеснением ее на периферию исследований искусственного интеллекта.

9. Последний парадокс, надежды и главная проблема

Вместе с тем, назревает ещё одна очень неприятная для логиков парадоксальность. По мере трудного, тягучего, но всё-таки становления нового российского общества, появления пусть болезненных, хилых, но всё-таки ростков рыночной экономики, политической демократии, правовой культуры, – в российском обществе зреет интерес к логической культуре, востребованность логики. На различных курсах подготовки и переподготовки менеджеров различного профиля, по запросам самих слушателей вводятся теоретические курсы и практикумы по логике, раскупаются переиздания старых учебников.

Парадоксальность ситуации заключена в том, что профессиональное сообщество, логики-профессионалы оказались неготовыми к такому повороту. Дело в том, что все более востребованной является логика отнюдь не математическая, которой они с гордостью посвящённых все это время занимались, а традиционная «человеческая» логика – теория и практика эффективной аргументации. И многие специалисты, поджав губы, считают ниже своего достоинства вести подобные курсы. В результате, логику зачастую читают энтузиасты-дилетанты или просто случайные люди. Наверное, это неизбежная болезнь роста. Главное, что «процесс пошёл», постепенно в российском обществе отрастают реальные ткани естественной, а не парниковой логической культуры.

Феномен советской логики исчерпал себя. А собственно логика как естественное порождение логической культуры общества ещё должна созреть и зерна её прорастают. Но... Российский человек до сих пор не является хозяином своей жизни. Границы его свободы, а значит и ответственность иногда совпадают с границами кожно-волосного покрова, он существенно лишён самоопределения. Он неопределён, а значит – невменяем. Потому что обездолен. Буквально. Лишён доли. А значит – он не хозяин своей судьбы. В этом плане показательны результаты большевистско-мафизно проведённой приватизации, в результате которой свыше 80 % населения оказались за чертой бедности, а экономический занавес оказался

крепче и жёстче «железного» и пролёт даже внутри страны, прервав экономические, научные и человеческие связи.

В античной Греции были непререкаемые богини судьбы – мойры. Даже Зевс их побаивался. Но по-гречески «мойра» – это все та же граница земельного надела. Только обладая долей человек обретает судьбу, мойру. Он становится способен к самоопределению, к сознанию собственных интересов, к осмыслению своих отношений с другими людьми, и, следовательно, – к ответственным решениям и логичному мышлению.

Логика – квинтэссенция единства живой экономики и права, итог, результат, продукт их как практики и гарантии свободы. Здоровая ткань подлинной, не эфемерной логической культуры, возникает и растёт только вместе с ростом вменяемости личности и общества. Вменяемость же – как разумность и ответственность – следствие свободы и определённости мойры. Только возможно ли в России обрести долю-мойру, не прибегая к «механической» аргументации?

Тульчинский Г.Л. Логическая культура и свобода. – *Философские науки*. – 2009. – № 4. – С. 46–61.